

УДК 821.161.1; 304.44

Л. В. Гурленова

**Песенная лирика М. Исаковского как предмет
междисциплинарного исследования XX—XXI вв.**

В статье анализируются исследования песенной лирики М. Исаковского, относящиеся к советской и постсоветской эпохе, филологов, культурологов, искусствоведов, философов; привлекаются также исследования советской массовой лирической песни. Наследие поэта рассматривается в контексте процессов культуры и как область междисциплинарных исследований. Характеризуются методологические подходы к изучению советской лирической песни, выделяются актуальные научные идеи, делаются выводы о перспективах изучения данного явления культуры: способов поэтизации обыденного, ценностных критериев человеческой личности, моделей общественного устройства, режима отсылок к классической литературе и фольклору, музыкальной народной культуре.

Ключевые слова: М. Исаковский, песенная лирика, исследовательские стратегии, ценностные художественные и духовные ориентиры.

L. V. Gurlenova. M. Isakovsky's song lyrics as a subject of interdisciplinary studies of XX—XXI cc.

The article analyzes the research of Isakovsky's song lyrics related to the Soviet and post-Soviet era, philologists, culturologists, art historians, philosophers; investigations of the Soviet mass lyrical song are also involved. The legacy of the poet is considered in the context of cultural processes and as an area of interdisciplinary research. The methodological approaches to the study of Soviet lyric songs are characterized, current scientific ideas are highlighted, conclusions are made about the prospects for studying this phenomenon of culture: ways of poetizing everyday, value criteria of the human personality, models of social structure, the regime of references to classical literature and folklore, musical folk culture.

Keywords: M. Isakovsky, song lyrics, research strategies, valuable artistic and spiritual guidelines.

Песенная лирика М. Исаковского — одно из ярчайших явлений русской культуры советского периода, прежде всего 1930—1950-х годов. Работая в содружестве со знаменитыми советскими композиторами — И. Дунаевским, В. Соловьевым-Седым, Б. Мокроусовым, М. Блантером, В. Захаровым и другими, Исаковский написал несколько десятков поэтических текстов, которые стали всенародно любимыми песнями (*Вдоль деревни; Враги сожгли родную хату; В лесу прифронтовом; Каким ты был, таким остался; Катюша; Лучше нету того цвету; Мы с тобою не дружили; Не тревожь ты себя, не тревожь; Одинокая гармонь; Ой, цветет калина; Снова замерло все до рассвета; Услышь меня, хорошая; Черемуха и мн. др. [4]*). Отвечая на дискуссии советского времени о феномене массовой песни и ее художественном уровне, А. Т. Твардовский, автор большой статьи о М. Исаковском, отмечал, что «начало песенности... всегда было одной из характернейших черт русской лирики» [14], в том числе ее высших образцов. Это утверждение является защитой Исаковского от искушения уже современной критики перевести его лирику в разряд массовой советской культуры.

В качестве самостоятельного предмета исследования песенная лирика М. Исаковского привлекалась редко, как и в целом лирическая советская песня, хотя ее формирование свидетельствовало о серьезных изменениях в культурном процессе эпохи.

Последнее тем не менее признавалось в исследованиях и советского, и постсоветского времени, прежде всего филологов, а также искусствоведов, культурологов, философов: в них так или иначе отмечалось, что лирическая песня этого времени явилась результатом значительной перестройки советской литературы и музыки, происшедшей под влиянием запроса народных масс на возвращение в советское искусство, где преобладало героическое и эпическое начало, лирических тем и чувств¹. Эти выводы помогают составить более сложную картину культуры эпохи: они свидетельствуют о том, что культурные процессы, даже в условиях тоталитарной системы, инициировались и управлялись не только сверху. Однако причины

¹ Ряд исследователей, желая защитить М. Исаковского от критики, ставили его в ряд поэтов, соответствующих догматам социалистического реализма, и делали вывод, что он вместе с ними «утверждал значение социалистического города, новаторски развивая традиции и крестьянских, и пролетарских поэтов» [7, с. 302].

подобного запроса исследователи советской и постсоветской эпохи оценивали по-разному.

В советское время писали о заинтересованности народных масс, в своем большинстве крестьянских, в поэтическом языке и жанрах фольклора, отмечали использование в советской лирической песне фольклорных песенных зачинов, поэтических образов-символов, приема психологического параллелизма и пр., но утверждали, в силу идеологических установок, что прямая связь советских песен с фольклорными отсутствует [5, с. 322]. Авторы музыковедческих исследований подчеркивали близость советской лирической песни традициям народной музыкальной культуры: «Первым из советских композиторов Захаров (постоянный соавтор М. Исаковского — Л. Г.) начинает сочинять массовые песни в крестьянской хоровой манере. /.../ Праздничное настроение подчеркнута затейливой вокальной орнаментикой, воспроизводящей эффект лихих гармошечных переборов. Кстати, в духе гармошечных импровизаций построены инструментальные отыгрыши между куплетами многих песен. Среди них видное место принадлежит песням в стиле лирической частушки — «девичьих страданий». Интонации вздохов, присущие этому стилю, отчетливо слышатся в песне «Провожание». Чрезвычайно интересно воплотились «страдания» в популярной песне «И кто его знает». Ее степенная, неторопливо-размеренная мелодия мастерски «разыграна» всплесками вопросительных интонаций. Квинтовые взлеты в концовках фраз — кстати, редчайший пример в лирической мелодике, — а также октавные подъемы, соответствующие словам-вопросам, являют пример выразительного согласования музыки со стихотворным текстом [3, с. 120].

Отметим, что Исаковский стремился в поэтических текстах укрепить в культуре эпохи понимание народного (крестьянского) опыта жизни и культуры как достойную этическую и эстетическую опору общественного устройства. Поэтому он изображал героя, пишет литературовед В. В. Бузник (Институт русской литературы РАН), которому «присуща... сдержанность переживаний, сила которых не в яркости, а в прочности, постоянстве» [2, с. 109—110]. В «Истории русской советской литературы» под ред. А. И. Метченко и С. М. Петрова отмечается, что М. Исаковский вместе с другими поэтами создает новую лирику — лирику народных чувств [6, с. 16, 19].

Более успешной тогда признавалась другая разновидность песенной лирики — военно-патриотическая лирика М. Светлова, А. Суркова, В. Лебедева-Кумача и др. — с героикой гражданской войны, воинского долга, т. к. она гораздо успешнее вписывалась в платформу социалистического реализма, прежде всего в области концепции героя (типического героя социалистической эпохи), типических обстоятельств и утверждающего пафоса. Подобная картина представлена и в исследованиях музыковедов; например, в очерке Л. И. Ивановой «Советская песня» материал исследования систематизируется на основе тематики с безусловным преобладанием в ней общественно-значимых тем (например, в 1930-е годы — песни о труде, песни-воспоминания о гражданской войне, песни о Советской армии, о колхозной деревне, оборонные, гимнические песни [3, с. 111—122]). В контексте этой линии в культуре формировались также идеологемы, связанные с такими понятиями, как массовый трудовой энтузиазм, новое коллективное сознание, однако они слабо приживались в текстах, в которых изображалась преимущественно личная жизнь и интимные эмоциональные переживания.

Современные исследователи-филологи Ю. Б. Балашова и Н. С. Цветова обращают внимание на стратегии продвижения произведений военно-патриотической советской массовой песни: идеологически правильные произведения выполняли роль художественных образцов, «они издавались огромными тиражами, инсценировались, транслировались на радио» [1, с. 22]. И. В. Кукулин (Школа культурологии НИУ ВШЭ) отмечает в этом особую роль кинематографа, который придал песне способность активного идеологического воздействия на массы: «Песня из кинофильма, — пишет исследователь, — стала одним из центральных жанров советской лирики 1930-х» [9, с. 11—12] (отметим спорность определения данной формы как жанра), она формировала “правильное” идеологическое сознание» [9, с. 12]. Заметим, что если бы культурные процессы формировались только управленческими стратегиями, то собственно лирическая песня в этих условиях не смогла бы даже возникнуть.

В различных исследованиях постсоветского времени лирическая песня относилась к пограничным явлениям между подлинным и мас-

совым искусством¹. Такой вывод делают, например, литературоведы Н. Лейдерман и М. Липовецкий, авторы монографии «Современная русская литература. (1950—1990-е годы)». Характеризуя поэзию М. Исаковского как «поэтику безыскусности», связанную с традицией хоровой лирики, принципом народности, обладающую глубиной смыслов, «затаенных в знакомых словах и явлениях», авторы не исключают, что подобную поэтику можно понимать как находящуюся на грани между подлинным искусством и «маскультом» [11, с. 226]. Об этом же пишет и доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора истории музыки Государственного института искусствознания М. Г. Раку: феномен «лиризации» музыкального дискурса 1930—1940-х гг., трагического времени в истории русского народа, она объясняет социальным запросом, характерным для массовой культуры, — запросом на актуализацию компенсаторской психологической функции искусства [13]. В принципе, к маскультуре относит лирическую песню и И. В. Кукулин, определяя ее как результат «подлаживания» авторов под вкус публики [9, с. 12] и уточняя далее ее художественную форму как «сентименталистский популизм», изображение деревенской жизни как радостного этапа «вечного существования» деревенской общины [9, с. 15]. Л. И. Иванова понимает массовую песню как форму демократизации музыкального языка [3, с. 121].

Данный вопрос, с моей точки зрения, должен решаться в контексте принципа народности, одного из базовых в теории социалистического реализма, эстетической доминанты эпохи 1930—1940-х годов, важным компонентом которой было воздействие народной культуры со стороны ее создателей — писателей и композиторов, выходцев из крестьянской среды (таким был и М. Исаковский), и аудитории, в большинстве своем крестьянской, а также теорий массовой культуры, в частности, с признанием того, что лирическая песня не была коммерциализированной формой культуры.

Участники смоленской филологической школы проводят исследования творчества поэтов, прежде всего А. Твардовского, а также

¹ Л. И. Иванова предполагает, что термин «массовая песня» родился в недрах Проколла (группа молодых композиторов Московской консерватории «Производственный коллектив») в 1925 году, т.к. «среди прочих музыкальных жанров главная роль отводилась песням и хорам» [3, с. 109].

прямо или опосредованно и поэзии М. В. Исаковского. Среди них есть работы междисциплинарного характера, к которым можно отнести исследования ономастики советского времени. Опубликованы несколько работ лингвиста К. Ю. Курс о культурно-ономастическом фоне поэтических текстов М. Исаковского. Исследуя в различных публикациях художественную ономастику лирики поэта, автор анализирует топонимы и выделяет такие их разряды, как гидронимы, дромонимы, ойконимы, оронимы, урбанонимы, хоронимы [10, с. 267]. К. Ю. Курс делает выводы о характере структуры текста и об разной системе (например, о преобладании географической конкретности, связи наименований с личным жизненным опытом и др.), тем не менее в оценках содержания и роли Исаковского в литературе эпохи автор повторяет хорошо известные суждения по этому вопросу исследователей советского времени: в различных вариациях Исаковский называется певцом советской действительности [10, с. 266].

Метод ономастических исследований, более известный в лингвистике, лингвокультурологии (семиотике), хотя он использовался и литературоведами (в анализе литературных имен), способствовал появлению понятия «литературная ономастика». В публикациях К. Ю. Курс ономастический метод реализуется для решения задач лингвистического исследования художественной топонимики, поэтому в них ощущается недостаточность внимания, по сравнению с литературоведческим подходом, к содержательной стороне творчества поэта, к обновлению оценок идейно-художественной позиции писателя. Эти задачи могли быть решены с помощью структурного и мотивно-образного методов исследования, объединенных платформой историко-литературного метода.

В проекции названных методов тексты лирических стихотворений М. Исаковского [4] позволяют подвергнуть сомнению ряд представленных выше суждений исследователей.

Так, в художественном мире Исаковского К. Ю. Курс выделяет такие качества, как «географическая конкретность» и биографизм, а также опорные понятия «малая родина» (реализованное в системе образов и мотивов) и «большая родина» (центральной является топоним/ойконим/Москва). Однако если рассмотреть эти качества поэтики Исаковского в широком литературном контексте, то

обнаружится, что географическая конкретность и биографизм — это, можно сказать, универсальные качества литературного творчества писателей XX века, не только поэтов, но и прозаиков, т. к. они позволяли укрепить достоверность изображения, отвечали такому критерию, предъявляемому писателю, как знание жизни. Эти качества ярко проявлены в произведениях таких разных писателей, как М. Шолохов, М. Булгаков, С. Есенин, А. Ахматова и др. В художественных платформах различных писателей они могут приобретать разные функции, связанные с жанром, особенностями метода, психологическими чертами личности автора произведения, что может делать их очевидными или, наоборот, неявными, но в подавляющем большинстве случаев они выявляются в тексте.

В поэзии Исаковского действительно немало названий смоленской земли, но через эту конкретику, которую поэт знал в силу своего биографического опыта жизни, он описывал крестьянскую Россию вообще (процессы, приметы времени были общими), а если подключить такой смысл, что «смоленщина — это часть центра России, имеющая с ним общую историю», то выделение вышеприведенных понятий еще более теряют свою актуальность.

Думаю, главной областью художественного мира поэзии Исаковского нужно признать уклад российской крестьянской жизни, рисуемой во множестве ее сторон — семейной, хозяйственной, научно-технической, культурной, в аспекте взаимодействия «первой» и «второй» природы, потенциала развития личности. Этот жизненный деревенский комплекс изображается поэтом не статически, а в эволюции от патриархального к индустриально-социалистическому устройству сельского мира. Каждый из названных элементов устройства художественной картины мира является перспективным для исследования.

Обратим внимание на то, что различные элементы устройства крестьянского мира рисуются поэтом как преимущественно находящиеся между собой в состоянии «лада», мира. Создатель картины «лада» — сознание человека, в том числе и лирического героя, несущее в себе позитивную жизненную энергию. Музыковед Л. И. Иванова делает вывод, что, во-первых, массовая лирическая песня основана на бытовом мелосе, во-вторых, что любовное чувство в ней «овеяно чистотой светлого, дружеского взаимопонимания» [3, с. 121].

Полезно поставить вопрос об источнике пафоса «лада» в лирической поэзии (лирической песне) М. Исаковского. Одним из источников, возможно главным, являются базовые христианские моральные ценности, которые понимаются поэтом и как ценности нового мира (в идейной сфере многих писателей советского времени первых двух десятилетий значительна опора на христианскую моральную традицию).

М. Исаковский формирует на их основе некую идеальную систему моральных ценностей современного человека. Безусловно важными для него являются: отсутствие уныния, гнева, зависти, гордыни, высокомерия (в терминологии тех лет — чванства), жадности. Любовь как интимное чувство неразрывно связано в его художественном мире с такой христианской личностной добродетелью, как целомудрие (эта тема интересна в целом для литературы 1920—1930-х и более поздних лет); любовь понимается и в широком смысле — как универсальное свойство, данное человеку. В системе ценностей героя Исаковского любовь является, без сомнения, важнейшим признаком «настоящего» человека (в связи с этим интересен гендерный аспект — «мужская» и «женская» любовь). Актуальна в системе ценностей Исаковского и такая добродетель, как воздержание, с учетом понимания ее как воздержание от гнева, зависти и т. д. Из этических ценностей, которые связаны с христианской этикой, у героев Исаковского обнаруживается и такое качество отношения к миру, как «детскость» — открытость, доверие к окружающему. Данный аспект исследования является перспективным.

Предлагаемое Исаковским понимание идеала человека свидетельствует о типологической близости его идейной позиции к убеждениям крупнейших крестьянских писателей: С. Есенина, С. Клычкова, др.

Безусловно, в лирике Исаковского важны и поиски новой этики, но обратим внимание на то, что они велись не в форме антагонизма старого и нового, а понимались как дополнение к традиционным качествам крестьянского характера. Современные исследователи подобную установку оценивают критически: И. В. Кукулин видит в этом маскировку советской идеологии — представление «правильного» идеологического сознания как «доброе», этически привлекательного состояния человеческой души [9, с. 12].

Какие новые свойства личности ценил поэт?

Прежде всего — интерес к незнакомой для деревни области, например к технике, науке. Названное свойство сознания героев является характерным для литературы тех лет, однако это свидетельствует не о вторичности художественного поиска Исаковского, а о наличии общего для многих писателей пути формирования картины мира и положения в ней человека. Выбор технических объектов в лирике М. Исаковского невелик и традиционен; это чаще всего электричество (лапочка), трактор. Интерес к чему-то исключительному у поэта не выражен, он тяготеет к изображению широко распространенного, типического, к тому, что можно назвать обновленным укладом общенародной жизни.

Частью его Исаковский видит и такие ценностные качества человека, как его стремление к знаниям, образованию, осознанность поисков судьбы, жизненной дороги.

Важным для нового человека, по Исаковскому, является и наличие у него «чувства природы». Поэт крестьянской темы не мог не включиться в большую дискуссию тех лет о сути природы и месте в ней человека¹. Исаковский, воспитанный условиями крестьянской жизни, воспринимал природу в философском плане как среду жизни человека, от которой он зависит и с которой должен жить в «ладу»; большое значение имеет природа и в системе эстетических ценностей: она понимается как воплощенная красота. И первое и второе определяет принцип изображения природы, систему природных образов и мотивов в лирике М. Исаковского. Это направление изучения лирики поэта является также перспективным.

С точки зрения художественной формы полезно обратить внимание на способы реализации характерного для Исаковского принципа поэтизации обыденного и техники «обхода» идеологического критерия за счет возведения смысла к общечеловеческому; актуальным является исследование режима отсылок к классической литературе и произведениям традиционной вербальной и музыкальной культуры для увеличения «плотности» текста и моделирования уровней подтекста, в том числе музыкального (интертекстуальный

¹ Более подробно об этом см.: Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920—1930-х гг. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 1998. С. 86—92.

анализ). Произведения Исаковского также дают большие возможности для применения мотивного метода — моделирования рядов образов и мотивов, структурного метода для изучения стратегии экономики текстового пространства и уровней рецепций, а также музыковедческих подходов к анализу творчества композиторов — создателей музыки к стихам.

Рассмотренные исследования и предложенные перспективы изучения песенной лирики М. Исаковского, таким образом, свидетельствуют о том, что она и сегодня является актуальным предметом анализа, особенно с привлечением возможностей междисциплинарной методологии.

* * *

1. Балашова Ю. Б., Цветова Н. С. Русская литература XX века: история, художественная идеология, поэтика: учеб. пособие. СПб.: Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2016. 124 с.

2. Бузник В. В. Исаковский Михаил Васильевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 т. М.: Олма-Пресс Инвест, 2005. Т. 2. С. 108—110.

3. Иванова Л. И. Советская песня // Отечественная музыкальная литература: 1917—1985. М.: Музыка, 1996. Вып. 1. С. 103—164.

4. Исаковский М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1981—1982. Т. 1, 2.

5. История русской советской литературы / под ред. П. С. Выходцева. М.: Высшая школа, 1974. 736 с.

6. История русской советской литературы. 40—80-е годы / под ред. А. И. Метченко, С. М. Петрова. М.: Просвещение, 1983. 544 с.

7. История русской советской поэзии. 1917—1941 / отв. ред. В. В. Бузник. Л.: Наука, 1983. 415 с.

8. Капичина Е. А. Семиозис советской массовой песни // Гилея: научный вестник. 2014. Вып. 80. С. 215—219.

9. Кукулин И. В. Лирика советской субъективности. 1930—1941 // Филологический класс. 2014. №1. С. 7—19.

10. Курс К. Ю. Большая родина в поэзии М. Исаковского (топонимический аспект) // Филологические исследования. 2015. № 14. С. 266—274.

11. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература. 1950—1990-е годы: В 2 т. Т. 1. 1953—1968. Александр Твардовский. М.: Академия, 2003. С. 221—259.

12. Лирика 30-х годов / сост. и авт. вст. ст. П. С. Выходцев. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. 504 с. URL: <http://online-knigi.com>

13. Раку М. Г. Поиски советской идентичности в музыкальной культуре 1930—1940-х годов: лиризация дискурса // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo|2009|120|ra15.html>

14. Твардовский А. Т. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Статьи и заметки о литературе. М.: Художественная литература, 1971. 518 с. URL: <http://www.wysotsky.com>